

От ненависти *До любви*

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

СЛИШКОМ ЧУЖАЯ,
СЛИШКОМ СВОЯ

ЭКСМО

МОСКВА

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 54

Оформление серии *А. Саукова*

Полянская А.

П 54 Слишком чужая, слишком своя : роман / Алла Полянская. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-699-63111-7

Очнувшись после аварии, владелица дома моды «Эрика» Юлия Ясинская начинает неожиданно для себя и окружающих думать и разговаривать на английском, которого не знала... А в зеркале она видит совершенно незнакомое лицо, и оно ей очень не нравится... Юлия не помнит никого и ничего, кроме своего кота, красавца Макса, поэтому никак не может понять, зачем и кто покушается на ее жизнь. А потом на глазах Юлии убивают ее заместителя! Перед смертью он успевает сказать, что на самом деле ее зовут Керстин... Тогда девушка вспоминает: она специальный агент, и ее решили устранить весьма оригинальным способом — сделав другим человеком. Но Юлия-Керстин не намерена прощаться со своим прошлым, сколько бы опасностей оно ни таило...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Copyright © PR-Prime Company, первый
год издания по этому договору
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-63111-7

Желтые лучи фар прорезали темноту и разбили ее на мелкие осколки. Сейчас они выйдут из машины, хлопнет дверца, затрещит сухая трава, ломаясь под их яростными шагами. Может, не стоит прятаться? Все равно они меня найдут и... А еще так бешено стучит сердце — они уже слышат. Наверное, будет лучше, если все закончится прямо сейчас. Зачем сопротивляться неизбежному и так изматывать себя? Ведь все может прекратиться прямо сейчас, стоит мне просто... Нет. Нет! Черта с два они меня получат! Вот только немного успокою дыхание. Если затаюсь, они меня не найдут, здесь слишком темно. А после я переплыву эту реку — и все. Хватит с меня.

— Эй, Бенни, она там, стреляй! Да стреляй же, вот она! — Голос такой знакомый. И от этого еще хуже. Нет, ребята, у меня на сегодняшний вечер были другие планы. Как жаль — это мой последний нож. Ты сам этого хотел, Бенни, извини!

— Вы видели — она подрезала Бенни! О господи, да стреляйте же, вы что, ослепли все? — Да я до него даже пальцем не дотронулась, очень надо! Просто мои ножи всегда летят туда, куда я хочу. Но теперь у меня больше нет ножа. А вода такая холодная...

Боже мой, устроить такую пальбу! И этой воде не мешало бы немного потеплеть... Если в меня попадут, я не доплыву. Хорошо еще, что на мне шорты, а не платье

или джинсы — я все-таки уступила лету. А оно могло бы уступить мне и подогреть эту проклятую воду в реке. Нужно нырять. Терпеть этого не могу, но парням на берегу патронов не жаль, а это значит, что придется.

Что-то острое и горячее ввинтилось в мое плечо. Умирать в такой холодной воде — черт подери! В грязной, не хлорированной воде...

Что-то отвратительное и темное накрывает меня с головой. Ну, и где, скажите на милость, свет, который должен быть виден в конце туннеля?

1

— ...А я ему говорю: «Не стоит дарить мне такую ерунду, разве что хочешь меня обидеть».

— А он тебе что?

— А он тогда вышел и хлопнул дверью. Скоро неделя как не звонит.

— Сама виновата. Разве такое можно говорить мужчине? Правильно сделал, что ушел. Тебе стоит извиниться. А вообще — твое дело. Значит, не нравился он тебе, если ты так себя повела. Теперь нечего жаловаться.

— Ты права, но...

Дверь закрылась, и разговор затих. Женщины пошли дальше. Что это за комната? Я не знаю. Я лежу на узенькой кровати возле стенки, до половины покрашенной в бледно-голубой цвет. Под потолком на шнуре — лампочка. Может, это тюрьма? Но почему я здесь? Напротив, у окна, такая же кровать. Там лежит женщина. Глаза ее закрыты. Какие-то трубки исчезают в ее теле. Слава богу, у меня таких нет. Игла на сгибе локтя и провода, прикрепляющие датчики, — это мелочи. Если это больница, то очень странная. Но почему я так думаю? Разве я видела какую-то другую? Я не знаю. И не помню, как

тут оказалась. И кто я вообще. Разве такое может быть? Я не знаю, кто я такая!

Скрипнула дверь. В комнату зашли две женщины и мужчина. Слава богу, хоть кто-нибудь живой! Чего они на меня так уставились? У меня что, в срочном порядке отрасли рога?

— Кто проводил процедуры? — Это мужчина. Лет тридцать, довольно высокий для того, чтобы ходить, не подпрыгивая и не задирая голову. Симпатичный светловолосый человек в белом халате. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять — это врач. Вот и хорошо, хоть что-то я понимаю.

— Медсестра Прохорова, только что сдала смену.

Это женщина. Полновата, но возраст ей уже позволяет.

— И она не заметила, что больная пришла в себя? Почему не сообщила?

— Виталий Петрович, возможно, больная очнулась только что? — предполагает вторая женщина, не столько толстая, сколько обрюзгшая, хотя и моложе той, первой.

— Возможно. Как вы себя чувствуете? — Это вопрос ко мне.

Наконец-то ко мне кто-то обратился. Стоят тут, болтают, будто я... Но почему я не могу ответить? Почему-то... Язык, на котором они говорят. Я понимаю его, но только что я думала на каком-то другом языке. И я растерялась. Я что, сошла с ума? Что здесь происходит, хотела бы я знать?

— Вы понимаете, о чем я спрашиваю?

Я утвердительно киваю головой. Я понимаю, но слова почему-то не хотят слетать с языка. Я хочу сказать это как-то не так. Я по-другому думаю. Или не думаю. Или просто я сплю, и мне все это снится. Или я умерла. Нет. Нет!

— Вы не можете говорить?

Да, парень, я пока не могу говорить, но я могу думать. Только... Я не знаю о чем.

— Возможно, мозг поврежден значительно глубже, чем мы предполагали? — говорит первая.

— Лариса Романовна, когда речь идет о повреждениях мозга, предположить можно что угодно. Но вы же видели снимки. А впрочем, переведите ее в восемнадцатую. После обхода я сам ею займусь.

Повреждения мозга? У меня? Как же это?..

Мои терзания, похоже, никого не интересуют. Меня грузят на холодную каталку, как какой-то неодушевленный предмет, и везут по длинному полутемному коридору. С двух сторон двери, двери... Я не хочу это видеть. У меня почему-то тяжело на душе и что-то давит в горле... Нет. Плакать я не буду.

Новая комната — точная копия предыдущей, только кровать напротив пустая. Я тут одна, и это меня вполне устраивает. Не хочу никого видеть. Я должна что-то вспомнить, но что? В голове гудит пустота. Я не знаю, что должна вспомнить, но я же могу, по крайней мере, что-нибудь сказать или нет? Тот симпатичный блондин обращался ко мне, почему я ему не ответила?

— Я понимаю, что вы мне говорите.

Мой голос. Совсем незнакомый. И слова приходится тщательно подбирать. Почему? Я что, сошла с ума? Кстати, а сколько мне лет? Может, я уже старуха? Это было бы отвратительно, потому что давешний доктор — настоящий красавчик. А может, я уродина, каких мало? О, нет! Эй, кто-нибудь! Есть тут зеркальце?

Я ощупываю свое лицо, разглядываю руки. Нет, я не старая. И, судя по всему, блондинка. Зубы все на месте. Надо вставать, нечего тут валяться. Что это все значит?

— Что вы делаете? Вам нельзя! — Я не слышала, как открылась дверь. Эта женщина свалилась мне на голову, как кирпич с крыши...

— Вы испугали ее. Вы закричали! Надежда Сергеевна, вы понимаете, что с такими больными надо соблюдать

осторожность? Разве можно так кричать в этом отделении? Я услышал вас даже в ординаторской. Теперь неизвестно, когда она опять придет в себя.

— Но она сидела на кровати и пыталась встать! Я просто хотела ее остановить, я испугалась.

— Вам не хватило самообладания? Очень жаль, но это ничего не меняет.

— Возможно, она просто потеряла сознание? В конце концов, она тут уже второй месяц. Никуда не денется. Я имею в виду то, что если уж она до сих пор не умерла, то...

— Хватит! Я позабочусь, чтобы вы больше не работали в этом отделении. Я не понимаю, как вы, медсестра, женщина, мать, наконец, могли такое сказать! На месте этой девушки могла бы оказаться ваша дочь. Вам лучше поискать другую работу. Это уже не первый случай, когда ваши действия вредили пациентам.

— Вы считаете, что поступаете правильно? Виталий Петрович, я все понимаю: вы учились и работали в Америке, и тут вам все в рот заглядывают, и вы, конечно, можете уволить меня. Но почему вы решили, что за свою мизерную зарплату я еще должна что-то принимать близко к сердцу? Поверьте, со временем и вы не станете этого делать. Не стоит так горячиться.

— Надежда Сергеевна, мне больше нечего вам сказать. Сдайте дежурство и обратитесь в отдел кадров.

А док не только красивый, но и суровый. Мне эта женщина не нравилась. Слишком толстая, не следит за собой. И хотя я ее видела всего ничего и более глубоких впечатлений у меня все равно нет, придется довольствоваться тем, что есть. Женщина мне не понравилась. Хорошо, что я ее больше не увижу. Но почему я лежу с закрытыми глазами? Почему я не сказала, что слышу их разговор? Что-то заставляет меня делать именно так. Я не знаю почему. И это незнание, эта пустота в голове начинают меня раздражать.

— Я вижу, вам уже лучше, — проклятые двери открываются беззвучно. Он садится на стул около моей кровати. — Вы можете отвечать на вопросы?

— Я могу отвечать на вопросы, — слова даются мне с трудом. Так, будто язык, на котором ко мне обращаются, для меня чужой. Я хотела сказать совсем не то. Я спятила?

— Я так и предполагал. Это хорошо. Вы на пути к выздоровлению.

Мне нравится его улыбка, хотя ему больше лет, чем кажется на первый взгляд. Ему где-то тридцать пять. И я хочу задать ему кучу вопросов.

— Почему я здесь?

— На дороге произошла авария. Ваша травма оказалась почти несовместимой с жизнью, поэтому вас привезли сюда. Вы находитесь в институте нейрохирургии. Я здесь главный врач, меня зовут Виталий Петрович. А еще я ваш личный доктор.

Он приветливо улыбается, а я пытаюсь собрать в кучу все, что он мне сказал. Почему-то в памяти появилась темная вода... я вспомнила? Нет. Что-то словно блеснуло и сразу же погасло. Это меня раздражает.

— Что вас беспокоит?

— Что со мной?

— У вас была открытая черепно-мозговая травма. Я сделал вам операцию. После нее вы находились в бессознательном состоянии... довольно много времени. Сегодня вы пришли в себя. Жизненные показатели у вас почти в норме. Слабость скоро пройдет. Нужна еще терапия, но можете быть уверены: еще пара месяцев — и все будет хорошо. Что с вами?

— О чем вы?

— У вас такое выражение лица, словно вы мне не верите. Но я уверяю вас, что вам не о чем волноваться, потому что...

— Док, вы можете мне сказать одну вещь?

— Да, конечно. Мне нечего скрывать от вас.

— Тогда, возможно, вы мне скажете, как меня зовут и кто я такая? И дайте мне, пожалуйста, зеркальце. Я хочу, наконец, с собой познакомиться.

Он смотрит мне в лицо. Я так устала, разговаривая с ним, что мне уже все равно. Наверное, он решил, что я спятила. Я, кстати, тоже склонна так думать. Разве может человек забыть о себе абсолютно все? Не знаю. Мне хочется спать. Я страшно устала говорить и думать. А тут еще мой язык постоянно хочет сказать что-то другое, другими словами. Я не в порядке, что бы он там ни говорил.

— Я вижу, вы устали. Сейчас вам лучше поспать, а разговор мы перенесем на другое время. Мне надо все обдумать и посоветоваться с коллегами.

— Скажите, что со мной? Я сошла с ума?

— Ровно настолько, насколько все мы, человечество в целом. У вас амнезия, такое иногда случается. Принимая во внимание травму, которую вы получили, такое состояние можно считать нормальным. Но уверяю вас, я сделаю все, чтобы помочь. А теперь вам лучше уснуть. Кстати, сейчас принесут еду, поэтому...

Но я уже не слышу, что он там говорит. Темная вода сомкнулась над моей головой. Грязная холодная вода.

2

— Итак, никакого представления о себе вы не имеете?

Парень задает мне этот вопрос уже в сотый раз. Откуда только он взялся на мою голову? Высокий, тощий, почти совсем лысый — таким было мое первое впечатление. Потом уже я отметила спокойные серые глаза за стеклами больших очков — какой анахронизм! — но почему мне так подумалось? Не знаю. Этого человека

привел Виталий Петрович, и теперь он надоедает мне какими-то дурацкими вопросами.

— Абсолютно никакого. По правде говоря, меня это немного раздражает. Разве такое может быть? И когда мне, наконец, хоть кто-то объяснит...

— Пожалуйста, не надо волноваться, вам это вредно. Мы уже почти закончили. Я сейчас вам кое-что объясню, все остальное скажет Виталий Петрович, — он отсоединяет от моего тела металлические, обтянутые резиной датчики. — Этот аппарат создан по типу детектора лжи, который до сих пор кое-где используется в юридической практике.

— Как долго я была без сознания?

— Сегодня у нас восемнадцатое апреля две тысячи девятого года. Так вот, о чем бишь я... А, вот. Этот аппарат сделан по принципу детектора лжи. Правда, он не только фиксирует степень вашей... откровенности, но и ставит диагноз. В данном случае могу вам сказать: такую глубокую амнезию мне еще ни разу не приходилось наблюдать. Но это уже наши проблемы, мы постараемся вам помочь. А сейчас вы должны...

— Я не спрашиваю у вас, что я должна. Я хочу знать, зачем вся эта комедия с вашим детектором и когда я смогу вспомнить хотя бы цвет своих глаз!

— Не надо сердиться. Я вам все объясню. Видите ли, амнезия — такое состояние, которое довольно легко симулировать, если человек в этом заинтересован. Например, когда вы в чем-то виноваты или просто хотите обратить на себя внимание, ну, и еще есть варианты, неважно. Можете мне поверить, такое случается нередко. Вот тут-то и приходит на помощь наше оборудование — кстати, самое новое. Что же касается непосредственно вас... Видите ли, мозг — наименее изученный орган. Сколько людей, столько же индивидуальных реакций. Мы можем что-то обобщить, но это лишь небольшая часть того, что

бы мы хотели знать о человеческом мозге. Поэтому обещаю вам что-либо наверняка будет с моей стороны просто шарлатанством. Вы меня понимаете?

— Да, конечно, — я хотела сказать как-то иначе. Как?

— Прекрасно. Теперь вы можете вернуться к себе в палату. Я вижу, вы хотите еще о чем-то спросить?

— Да, хочу. Скажите, здесь где-нибудь есть душ? Мне нужно помыться, иначе я сойду с ума. Это не слишком высокие требования?

— Нет, конечно, нет. Меня только удивляет, почему вы не скажете об этом медсестре. Ничего, сейчас мы это организуем, не волнуйтесь.

— Эта девица принесла мне тазик с теплой водой. Я бы на нее посмотрела, если бы ей дали столько воды для мытья.

Мне хочется хорошенько кого-нибудь стукнуть, но я сдерживаюсь. Этот человек ничего мне не должен. А вот симпатичную медсестру, которая приходила утром, я бы... Господи, откуда такие дикие мысли? Что со мной происходит?

— Не надо так. Вы же понимаете, что эта больница строилась довольно давно, а в те времена... Ну, хорошо, не буду вам докучать. Скоро будет готово новое помещение для нашего Центра, там все сделано по последним требованиям науки. А все палаты оборудованы душевыми кабинками.

Меня везут вдоль того самого коридора, мимо белых дверей с номерами. И опять мне становится так тоскливо, словно я чего-то боюсь. Чего-то страшного, безжалостного и неминуемого. Но мы уже приехали.

— Я сейчас вам помогу, — хорошенькая медсестра наклоняется ко мне. — Вам только надо пересест в то кресло, и вы сможете принимать душ сидя. Мы сами придумали такое усовершенствование — тут бывает довольно скользко.

— Спасибо, я попробую сама, — голова кружится, но я встаю. — Почему здесь так темно?

— Но здесь не темно... — голос медсестры удивленный и какой-то далекий. — Солнце светит прямо в окно. Ой, это, наверное, у вас в глазах темнеет! Такое случается от слабости. Скоро пройдет.

И правда, скоро стало светлее. Я вижу, как она берет в руки полиэтиленовый пакет и направляется с ним ко мне. Вот то, чего я боялась. Как больно врезаются наручники в запястья, а мое лицо накрывают пленкой и мне нечем дышать, нечем дышать...

— Что с вами? Вам плохо? Скажите что-нибудь, о боже... Матвеевна, идите скорей сюда!.. — Ее испуганный крик заставляет меня очнуться.

— Я прошу прощения... все в порядке.

Я пытаюсь что-то вспомнить, но напрасно.

— Что вы сказали? Я не поняла...

Зато я поняла. Я перестала контролировать свой язык, и он сказал все не так. Или, наоборот, так, как надо?

— Я в порядке. Мне жаль, что я напугала вас. Что это у вас?

— Это? — Она удивленно смотрит на меня. — Это просто полиэтиленовая шапочка, чтобы прикрыть повязку у вас на голове. Доктор меня предупредил, чтобы я проследила. Такие шапочки продаются в магазинах, мы держим несколько штук — для таких случаев. Вы уверены, что с вами все в порядке? Может быть, мне лучше остаться и помочь вам?

— Нет, спасибо. Я попробую сама, — не хватало еще предстать перед ней в таком виде. — Скажите, а здесь где-нибудь есть зеркало?

— Конечно, есть, мы мимо него проехали, вы не заметили? Хотя... ну, хорошо. Я буду тут, рядом.

Она выходит, а я сижу и думаю. Я пытаюсь ухватить кончик своего воспоминания об... О чем? Не помню.

Ускользает. Вот будто бы сию секунду должна что-то вспомнить, что-то важное... Только не знаю, что. Ну ладно, имей в виду! Если ты у меня в голове, значит, никуда тебе не деться. Вот выйду отсюда, тогда уж... А куда я пойду? Куда я денусь, когда выйду отсюда? Наверное, это знает красавчик доктор. Он должен мне сегодня что-то рассказать, так сказал человек-детектор. Поэтому я сейчас здесь. Мне нужно привести в порядок свои мысли и впечатления. И сделать это я должна до разговора. Почему? Не знаю. Может, у меня паранойя, кто знает? Я открываю кран. Ужасно ценная штука — теплый душ.

Итак, что мы имеем? После аварии — какой, где, как? — меня привезли сюда, наверное, в качестве подопытного материала. Решили, видимо, что мне уже все равно. А может, и нет. Возможно, решили, что только здесь у меня есть шанс. Обе версии имеют право на существование, до тех пор пока я не узнаю, что же произошло на самом деле. Это первое. Я находилась здесь больше месяца в бессознательном состоянии после операции. Откуда это мне известно? Из разговора, который мне удалось подслушать. Но я вовсе не уверена, что услышанное не было спектаклем для одного зрителя — или слушателя в данном случае. Также может статься, что в моей голове ковырялись с другой целью и не было никакой аварии. Это во-вторых.

А в-третьих — это я сама. Почему я чувствую себя здесь... чужой? Нет, конечно, тут все вокруг чужое и незнакомое, но не ТАК. Мне чуждо здесь **все**: язык, на котором я говорю, а думаю на другом; разговоры между людьми, их стиль общения. Только тот доктор не кажется мне настолько чужим. Это не потому, что я положила на него глаз, нет. Что-то в нем есть... Не знаю, что-то... И почему меня вообще посещают такие мысли? Почему я сижу тут и накручиваю себя? Почему не может быть все так, как мне говорят? Я не знаю. Со мной происходит